

Проблема выделения и типологии языковых табу (на примере фольклорных поэм М. Цветаевой)

О.А. Рутер
(Россия)

El artículo está dedicado al problema de tipología de tabúes según su significado semántico y según el tipo de la prohibición lingüística en el idioma ruso. La investigación se lleva a cabo en el material del idiolecto poético de M. Tsvétáyeva, en particular en sus poemas folklóricos.

Табу – это, во-первых, религиозный (в широком смысле) запрет у древних народов, налагаемый на определенные действия во избежание негативных проявлений сверхъестественных сил, а во-вторых, «запрет на употребление определенных слов, обусловленный социально-политическими, историческими, культурными, этическими или эмоциональными факторами» (Варбот 1998, с. 552). Цель табу – исключить из употребления не понятие, которое остается необходимым обществу, а слово-название. Этим определяется механизм действия табу: замена названия другим, преобразование названия или его опущение.

Эмоционально нейтральное слово или выражение, заменяющее табуированное, называется *эвфемизмом*. В качестве эвфемизма могут использоваться синоним-заимствование; исконное многозначное слово, одно из значений которого совпадает со значением табуированного слова; описательное выражение или определение; слово, образованное на базе такого описательного выражения; слово, являющееся хвалебной характеристикой опасного явления или уничижительной – ценного предмета; обобщенное название; местоимение и т.д.

Табу (в широком смысле) является объектом исследования нескольких наук: религиоведения, этнологии, психологии и т.д. В современной лингвистике разработан более узкий аспект – вербальное табу, но только как запрет на употребление некоторых слов, вызванный в основном социальными факторами: этикетом, цензурой и т.д. Словесное табу как обусловленное религиозно-мировоззренческими архаическими требованиями не привлекало внимания ученых как, видимо, не актуальное для языка на современном этапе.

Между тем лексическая структура любого живого языка, к которой относятся слова-табу, имеет подвижный характер, динамична и изменчива. То, что кажется нейтральным для языка на современном этапе его развития, в прошлом могло иметь совершенно иной, сакральный смысл, и наоборот. Следствием такой изменчивости языка является проблема выделения слов-табу из целого массива нейтральных лексем, причем особенно сложно это сделать на материале современной художественной литературы. Даже относительно современный литературный материал иногда просто требует подобного выделения, классификации и анализа табу и эвфемизмов. К примеру, в поэмах М. Цветаевой, написанных на народные сюжеты («Переулочки», «Молодец», «Царь-Девица», «Егорушка»), табу является одним из ярчайших языковых приемов. Оно сочетает архаические, древнейшие черты с индивидуально-авторскими особенностями и играет одну из основных смыслообразующих ролей,

поэтому табуирование в фольклорных поэмах М. Цветаевой должно быть проанализировано с позиций современной лингвистики (в т.ч. этнолингвистики).

Чтобы исследование табу и эвфемизмов было продуктивным, необходимо разработать алгоритм их выявления и классификации. Этому вопросу посвящена данная статья.

Алгоритм анализа вербальных табу был впервые предложен Б.А. Лариным, разработавшим принципы классификации не связанных с архаическим мировоззрением эвфемизмов (под которыми ученый понимал собственно эвфемизм в неразрывной связи с табуированным понятием). В этом алгоритме есть свои плюсы и минусы. По мнению Б.А. Ларина, в основу классификации следует положить социальную природу эвфемизмов, т.к. другие, чисто формальные категории (части речи, состав, происхождение), будут непоказательны. Последнее замечание представляется верным, однако социальная природа архаических эвфемизмов не настолько разнообразна и значима по сравнению с этим же параметром современных по происхождению эвфемизмов. Но, безусловно, такие признаки, как частеречная принадлежность, состав и происхождение, стоит принять во внимание как дополнительные для группировки материала внутри основных разрядов. В каждом из разрядов следует начинать с однословных эвфемизмов, затем рассматривать так называемые «эвфемистические речения». Анализ однословных эвфемизмов надо начинать с существительных, далее рассматривать прилагательные и заканчивать глаголами. «В каждой группе впереди должны быть свои слова, а в конце... заимствованные» (Ларин 1961, с. 122).

Думается, что алгоритм языкового анализа табу (а соответственно, и эвфемизмов) будет иным в каждом случае, поскольку последовательность изучения будет продиктована самим материалом исследования. Тем не менее на основе некоторых положений предложенного Б.А. Лариным алгоритма можно выделить ряд общих принципов анализа.

Вербальное табуирование охватывает только существительные и глаголы (крайне редко – прилагательные), причем морфологическая характеристика табу ничем не отличает их от нейтральной лексики, поэтому классификацию слов-табу по частеречной принадлежности проводить нецелесообразно. Такое морфологическое деление очевидно и не нуждается в дополнительном анализе. Оговоримся лишь, что, с нашей точки зрения, такая морфологическая узость форм табуированных слов объясняется сутью табу, ведь изначально запрет накладывался на некоторые действия (их отражение в языке – глаголы) и предметы (их отражение – имена, существительные (самая древняя часть речи) и прилагательные (атрибутивные замены существительных)).

Сфера бытования табуированных понятий различна, поэтому основным критерием, по которому проводится отбор, является семантика табуированного слова. Систематизация слов в отдельные семантические группы наиболее приемлема, т.к. в основе механизма табу заложен принцип сакральности, четко определенной семантики запретного слова. Такой подход правомерен, поскольку в языках многих народов мира, даже никогда не взаимодействовавших между собой, табуированием охвачены сходные явления.

Языковому запрету подвергаются не понятия (которые остаются необходимыми культурной среде), а их внешние языковые манифестации: «Отправной... точкой при классификации этих манифестаций может быть только

их семантическая ценность – содержание, которое говорящий должен передать собеседнику, осуществляя основной принцип языковой коммуникации» (Видлак 1967, с. 270). Табу и эвфемизмы классифицируются так: чаще всего определяется общее значение некоторой группы близких слов-табу, например, ‘части тела’, ‘физиологические отправления’ и т.д. Соединение слов осуществляется на базе их семантической общности при поддержке логического отношения род – вид. Некоторые группы слов располагаются вокруг слова-доминанты, образуя строго ограниченные синонимические ряды, например *смерть*, причем слово-доминанту в некоторых лексических рядах не всегда легко определить.

Если вокруг слова-ядра объединяются табу одной части речи, то такую совокупность лексем можно определить как лексико-семантическую группу (ЛСГ) (например, *части тела* или *действия*). Если же слово-доминанта является как бы обобщающим для слов разных частей речи, но одной семантической направленности, то такое семантическое гнездо можно назвать тематической группой (ТГ). ТГ по составу обычно шире ЛСГ, а слово-ядро, определяющее ТГ, можно вывести на уровень концепта. Например, в ТГ *смерть* в фольклорных поэмах М. Цветаевой входят табу на название смерти, покойника, гроба, кладбища, на использование глаголов со значением ‘готовить(ся) к смерти’, ‘умереть’, ‘убить’, ‘пропасть’ и т.д.

Явление языкового табу и эвфемизма, разумеется, не охватывает всех семантических систем, входящих в состав лексической структуры данного языка. Некоторые семантические системы (определим их как *1-й тип*) остаются незатронутыми (например, многие нейтральные слова из ежедневного обихода), хотя потенциально и они могут оказаться в сфере запрета. Такие табу могут, к примеру, возникать в результате патологий психики говорящего лица (Видлак 1967, с. 272). К подобным табу можно отнести и употребление описательных выражений при общении между взрослыми в присутствии детей. При этом объекты табуирования в разных семьях будут различны. Следовательно, подобные «семейные табу» нельзя считать общеязыковыми, хотя их существование несомненно, а анализ был бы интересен с точки зрения и филологии, и психологии.

Другие семантические системы (*2-й тип*) охвачены явлением табу «совершенно регулярным образом», третьи (*3-й тип*) «вовлекаются в сферу запрета частично и кратковременно, в форме запрета произносить определенные слова в определенной... ситуации (при религиозных церемониях, в обществе женщин... и т.д.)» (Видлак 1967, с. 272). Табу 2-го типа по преимуществу имеют древнейшее происхождение, сакральную семантику, поэтому определяются нами как архаические. Табу 3-го типа, по всей видимости, возникают в языке позднее. Многие из слов этой группы первоначально не являлись запретными, позже (во многом искусственно) были запрещены нормами поведения, этикета, цензурой. Некоторые слова изначально обладали сакральной семантикой (например, обозначения половых органов, служивших воспроизведению рода, то есть выполнявших священную функцию), поэтому табуировались. Позже, с введением церковной морали, когда плоть стала считаться греховной, на произнесение подобных слов наложили запрет, существующий до сих пор (см., например, Санникова 1995, с. 250). По мнению Б.А. Ларина, первоначально табу 3-го типа распространились в церемониально-придворном обиходе и языке дипломатии, затем в литературном языке и разговорной речи (Ларин 1961, с. 119).

Типологию слов-табу можно проводить и по характеру запрета. Если он вызван древнейшей верой первобытного человека в могущество слова, то такие табу мы называем архаическими. Если же запрет вызван современными экстралингвистическими факторами — нормами приличия, этикета, влиянием церкви и цензуры, то мы определяем подобные табу как этикетные.

Интересна типология табу по способу табуирования. Можно выделить две основные языковые тенденции: табуирование слов на основе умолчания и эвфемистическая замена.

В первой группе выделяются табу-неназывания и табу-недоговаривания. Неназывания формально являются пропуском того или иного табуированного слова, например, о косе:

Уж и жар! // Уж и пляс! // На три Волги расплелась! (Цветаева 3, с. 285).

Недоговаривания, как следует из названия, представляют собой фонетически измененное табуированное слово, которое реализуется в речи (устной и письменной) в виде начальных слога или звука, буквы (собственно недоговаривание) или опускается, но легко восстанавливается по рифме (недоговаривание в широком смысле). Например, у М. Цветаевой:

Лют брачный твой пир, // Жених твой у— [пырь] (недоговаривание в узком смысле, Цветаева 3, с. 290)

или

За той потянуся, // Что меж русских — руса, // Вкруг той обовьюся, // Что меж Люб — [Маруся] (в широком смысле, Цветаева 3, с. 298).

Последний вариант характерен только для стихотворной речи.

Замена эвфемизмом является самым продуктивным методом табуирования.

При этом вариантов подбора эвфемизмов очень много. Кратко охарактеризуем каждый из них.

Иногда на место табу можно подставить его полный синоним. Так, у М. Цветаевой ‘темные силы’, ‘нечисть’ — *нежить*, *сатаны*; ‘умереть’ — *испустить душу*; ‘незаконнорожденный ребенок’ — *безродный* и т.д.

Бывает, что эвфемизмом служит неполный синоним, который близок по значению табуированному слову, но одновременно отличается от него (у Цветаевой ‘дрожь’ — *лихоманочки*, ‘упырь’ — *нежить*). Часто эвфемизмы-синонимы выражают стилистические оттенки, что суживает ситуативный контекст употребления каждого из них (например, нейтральное *умереть* — официальное *уйти*, *скончаться*, возвышенное или ироничное *преставиться*, *упокоиться*, сниженное *сыграть в ящик*, *дать дуба* и т.д.).

Важную роль в процессе эвфемизации играет полисемия. В этом случае на место табуированного слова подставляется другое, многозначное, одно из значений которого (часто не основное) входит в общую семантическую систему со словом табу. Другие значения слова-эвфемизма входят в другие семантические системы, оставаясь нейтральными и свободными по отношению к данному табуированному слову, то есть семантические поля в языке перекрещиваются (Видлак, 1967, с. 276). Например, эвфемизм *девка* в значении ‘проститутка’

сохраняет нейтральное значение ‘незамужняя девушка’ в произведениях фольклора, в современной фразеологической единице *засидеться в девках* (‘долго не выходить замуж’) и практикующемся в разговорной речи обращении.

Один из основных способов табуирования – энантиосемия, то есть одновременное существование в слове двух противоположных значений. Например, у М. Цветаевой *гости слободские (нечисть)* — и ‘гости из чужой слободы’, и ‘гости в слободе’; *страсти (нечисть)* — и ‘пугающе страшные, отталкивающие’, и ‘манящие, желанные’. Вероятно, по народным представлениям, такие слова-табу должны были запугать, ввести в заблуждение могущественные темные силы, а у Цветаевой подобные энантиосемичные эвфемизмы отражают амбивалентность, неоднозначность многих явлений окружающего мира.

Кроме того, явление эвфемизации может основываться и на семантической противопоставленности, что выражается в использовании эвфемизмов-антонимов, как полных, так и частичных. Применительно к языку художественного текста речь может идти в основном о контекстуальных антонимах. Например, у М. Цветаевой ‘упырь’ (как нечто страшное, отвратительное) – *молодец* (как нечто приятное, красивое), ‘хоронить’ (как погружение вглубь, перемещение вниз, претворение в смерть, конец жизни) – *возводить дом* (как стремление вверх, начало жизни), то есть узуальные, внеситуативные значения табуированного слова и эвфемизма антонимами не являются.

Использованием антонимов в качестве эвфемизмов для архаических табу человек добивается большей безопасности для себя, показывает свою мнимую власть над потусторонним. Так, среди славян бытовали колыбельные песни, в которых к ребенку «призывалась» смерть, причем перечислялись все члены семьи, которые так или иначе будут участвовать в похоронах. В народе объясняли такой парадоксальный, на первый взгляд, текст тем, что смерть приходит к тому, кто ее больше боится, а кто ее зовет, того она обходит, то есть таким образом достигался обратный эффект — оберега ребенка (Науменко 2001, с. 132–133). Обратная замена табуированного негативного элемента эвфемизмом, приукрашивающим его, осуществляется с целью «задобрить» могущественные силы: рус. ‘лихорадка’ = *добруха* (Левкиевская 1999, с. 52); у М. Цветаевой ‘покойник’ = *молодец*.

С той же целью в качестве эвфемизмов могут употребляться слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Например, М. Цветаева вместо слова ‘гроб’ использует народный традиционный эвфемизм *домок*, вместо ‘дрожь’ – *лихоманочки* и т.д.

Распространен способ эвфемизации слов посредством отрицания, когда к слову прибавляется частица *не*. Таким образом создается видимость смысла, противоположного табуированному слову: у Цветаевой *не-наш*, *не-кот* — о чёрте; см. также:

Бетховенское «через страдания к радости» – мое первое и последнее слово на земле – и на не-земле! (то есть в небесах, на «том» свете, Цветаева 5, с. 473).

Иногда в процесс табуирования в качестве эвфемистических замен вовлекаются местоимения или наречия типа *там* (для обозначения

табуированного названия места), *тот, который* и др. (например, у М. Цветаевой *Сама* – о волчице, *не-наш, сам-сам* – о чёрте).

Существует способ замены табуированного слова описательной конструкцией: у М. Цветаевой *испустить душу* – ‘умереть’, *кость с мясом врозь развести* – ‘убить’, *сброд красен-незван* – ‘нечисть’.

«Особым проявлением действия эвфемистической тенденции» в плане формы С. Видлак считает случай контаминации (Видлак 1967, с. 279–280). Слово-табу может заменяться другим словом или выражением, напоминающим его (часто одним элементом, например слогом) исключительно по линии формы, то есть без учета семантики. У М. Цветаевой близки к этому недоговаривания с замещением: у – *Што?* вместо *ушкó*, *мату* – *Што?* вместо *матушка*.

К перечисленным способам эвфемизации с сохранением части запретного слова добавим случай, когда от табу остается лишь один или несколько слогов (а то и один звук!), а остальное опускается. В основном так табуируются элементы инвективной лексики, а возник этот способ, вероятно, в результате воздействия на литературу норм цензуры. Вместо запретного слова оставляли его начальную букву, а остальное заменяли многоточиями. В результате и авторский стиль сохранялся там, где это было необходимо; и читатель без труда догадывался, о чем речь, и нормы приличия соблюдались. Подобные табу мы называем недоговариваниями в узком смысле. Они являются одним из основных способов табуирования в фольклорных поэмах М. Цветаевой. Смысл подобного рода замен С. Видлак описал так: «Всякого рода эвфемистические фонетические деформации слова находят свой смысл на основе организации лексической системы. Путем деформации создается формальная видимость непринадлежности данного слова к той же системе, к которой принадлежит табуизированное слово» (Видлак, 1967, с. 280).

Все описанные нами способы табуирования характерны для языка как на стадии архаических верований, так и в современную нам эпоху, в частности для поэтического идиолекта М. Цветаевой, поэтому они должны учитываться при анализе табу в языке художественной литературы.

Феномен табу оказал влияние на последующее развитие культуры. Многих реалий первобытного мира уже нет, сознание современного человека отличается от сознания его далекого предка, поэтому об истинных значениях некоторых слов и причинах их возникновения можно только догадываться, отыскивая какие-нибудь зацепки в современном языке. На основе явления табу в языке возникают новые слова и значения. В связи с этим проблема изучения вербальных табу, несомненно, актуальна и интересна для современного исследователя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ВАРБОТ, Ж.Ж., 1998: Табу // Русский язык. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998, с. 552.
2. ВИДЛАК, С., 1967: Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология. 1965: Материалы и исследования по индоевропейским языкам. М.: Наука, 1967, сс. 267–285.
3. ЛАРИН, Б.А., 1961: Об эвфемизмах // Проблемы языкознания: Сборник в честь академика И.И. Мещанинова. Л.: Издательство ЛГУ, 1961, сс. 110–124.

4. ЛЕВКИЕВСКАЯ, Е.Е., 1999: Демонология народная // Славянские древности: Этнолингвистич. словарь. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999, сс. 51–56.
5. НАУМЕНКО, Г.М., 2001: Народная мудрость и знания о ребенке. Этнография детства. Сб. фольклорных и этнографич. материалов. М.: Центрполиграф, 2001, 431 с.
6. САННИКОВА, О.В., 1995: Брань // Славянские древности: Этнолингвистич. словарь. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995, сс. 250–253.
7. ЦВЕТАЕВА, М., 3, 5: Собрание сочинений в семи томах. М.: Эллис Лак, 1993–1995, тт. 3, 5.